

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

И.К. Манучарян

Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации
Факультет русской филологии
Ереванский государственный университет
ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, Армения, 0025

Статья посвящена рассмотрению лексической типологии славянских языков. Отмечается, что определенная часть их лексики праславянского происхождения, благодаря чему славяне разных стран в определенной степени могут понимать друг друга. На протяжении веков лексика славянских языков развивалась и обогащалась во многом и за счет заимствований. Этот процесс активно продолжается в наши дни, приводя к новым универсалиям.

Ключевые слова: лексика, типология, славянский, универсалии, индивидуалии, инновации, заимствования.

Лексика является наиболее динамичным уровнем языка и в полной мере отражает состояние и характер исторического развития народов и их культур. При этом в отличие от других уровней языка лексика быстро реагирует на все изменения окружающей жизни. В отличие от фонетики и грамматики, лексика представляет собой «более слабую и нечеткую систему, менее структурированную» [5. С. 94]. Выдающийся французский лингвист А. Мейе писал по этому поводу: «Словарный состав — самый неустойчивый в языке. Слова могут исчезать по самым разнообразным причинам и заменяться новыми. В исконный словарный состав могут включаться новые слова, превышающие числом старые» [6. С. 34].

Современные славянские языки достаточно близки по своему словарному составу, так как их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился: от эпохи праславянской языковой общности в каждом из современных славянских языков функционируют древние лексические единицы. В лексических единицах славянских языков содержится культурная информация, которая в большой степени аккумулирована в слове. В кодах культуры отражаются все стороны окружающей действительности — природа и явления природы, наименования жилищ, родственная и ремесленная терминология, календарная лексика и др. К кодам культуры относятся все творения человека и человеческого духа. Их подавляющая часть отражается в лексике славянских народов. Вот что писал по этому поводу А.Ф. Лосев: «В слове, в особенности, в имени — все наше культурное богатство, накопленное в течение веков» (цитируется по [2. С. 142]).

В разных славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексико-семантических разрядов. Например, такое важное древнее понятие, как *род*, в разных славянских языках передается одинаково: *rod* (русск., белор.), *pid* (укр.), *rod* (болг.), *ród* (сербск.), *rod* (чешск., словацк./луж.), *ród* (польск., кашубск., в./луж.) [10. С. 490].

По мнению болгарского ученого И. Лекова, к общему словарному фонду славянских языков можно отнести около 1120 слов и только в 320 случаях можно заметить нарушение этого единства по отдельным языкам или их группам (цитируется по [11. С. 27—28]).

Известный польский языковед, академик Т. Лер-Сплавинский на основе данных этимологических словарей произвел подсчет тех элементов лексики, которые сохранились в современном польском языке с праславянского периода [3. С. 12]. Оказалось, что общее число слов, которые сохранились в польском языке с праславянского периода без существенных изменений, превышает 1700 единиц. Подсчеты ученого показали, что, хотя со времени распада славянской языковой общности прошло более 15 веков, все же праславянское лексическое наследие в речи образованного поляка — носителя современного славянского языка — составляет около $\frac{1}{4}$ всего словарного состава польского языка. Из этих примерно 1700 слов — более 1000 — составляют существительные, 460 — глаголы, 170 — имена прилагательные и 80 слов других частей речи. Из указанного количества лексических единиц — свыше $\frac{8}{10}$, то есть 1450 слов, касаются внешнего физического мира, природы, материальной жизни человека, а $\frac{1}{10}$ (примерно 178 слов) по выражаемому значению относятся к духовной жизни человека. Остальные 100 слов из 1700 единиц служат для выражения грамматических отношений — это местоимения, числительные, союзы, предлоги и др.

Подсчеты Т. Лер-Сплавинского убедительно свидетельствуют о том, что и в других славянских языках существует аналогичная ситуация. Поэтому в научном мире считается, что данные Т. Лер-Сплавинского представляют собой типологические универсалии, приложимые к любому славянскому языку.

Данные, полученные Т. Лер-Сплавинским, не являются раз и навсегда неоспоримыми. Существуют и другие точки зрения на этот счет. Так, по мнению других ученых, праславянских слов в лексических системах славянских языков все же больше. Например, по высказанному позднее мнению О.Н. Трубачева, а он также опирается на данные этимологических словарей, число праславянских слов в славянских языках составляет около 10 000 единиц [9. С. 67]. Исключительная близость лексики славянских языков — интересное и феноменальное явление для всего славянского языкового мира, который распространен на огромной территории Западной и Восточной Европы.

Именно потому, что лексика всех славянских языков в определенных границах восходит к исконной лексике праславянского языка, любой носитель одного славянского языка хотя бы в какой-то мере в состоянии понять речь носителя другого славянского языка. Как отмечает славист Р.М. Цейтлин, сравнительная лексикология славянских языков имеет чрезвычайно важное значение не только в теоретическом, но и в прикладном значении, в частности, «в практике преподавания современных славянских языков славянам, например, русского языка — полякам, чешского — болгарам и наоборот» [12. С. 369].

Таким образом, современные славянские языки достаточно близки по своему словарному составу, т.к. их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился, и от эпохи праславянской языковой общности в каждом из совре-

менных славянских языков сохранились и функционируют древние лексические единицы. Праславянские лексемы, по последним наблюдениям И.А. Меркуловой, в разных славянских языках сохраняются в неодинаковой степени. Так, в русском, сербском/хорватском, чешском и украинском языках удельный вес праславянского словаря оценивается в 50% и более, до 50% — в словенском, польском, белорусском, болгарском, словацком языках, и менее 30% праславянской лексики сохранилось в македонском, лужицких, кашубском языках. [4. С. 103]. Как можно заметить, цифры довольно впечатляющие.

В отдельных славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексико-семантических разрядов: особенно выделяются слова, характеризующиеся чертами особой устойчивости. Это родственная терминология, соматическая лексика, названия предметов и явлений природы, сельскохозяйственных культур, домашних и диких животных, хозяйственных занятий, календарной лексики и др.

Так, широко представлены слова-названия представителей животного мира. Отметим названия птиц: например, существительное *соловей* (русск.), *соловий* (укр.), *салавей* (белор.), *славей* (болг.), *славуј* (сербск., хорв.), *slavec* (словенск.), *slavík* (чешск.), *slavik* (словацк.), *slowik* (польск.), *sylobik* (верхнелуж.), *sylojok* (нижнелуж.). Такие же сходства и соотносительность наблюдаются в наименованиях и других представителей пернатых — *воробей*, *орел* и др.

Названия насекомых также во многом соотносительны в разных славянских языках и восходят к праславянскому периоду: сравним восточнославянские названия *оса* (русск., укр.), *осва* (белор.), в западнославянских языках им соответствуют *vosa* (чеш.), *osa* (словацк., польск.), *wosa* (в./луж.), *wósa* (н./луж.). Приведем это слово также из южнославянских языков: *оса* (макед., болг.), *òca* (сербск.), *òca* (словенск.) [10. С. 156].

Интересен соотносительный ряд существительных, обозначающих четвероногих представителей животного мира: сравним древнее славянское слово *пес* (русск., белорус., укр.), *pies* (польск.), *pes* (чешск., словац.), *pos* (верхн./луж.), *pias* (нижн./луж.), *пес* (макед.), *pes* (словенск.). Отметим при этом, что общность многих лексических единиц сохраняется, хотя разные исторические эпохи оставили свой след и в лексических системах отдельных славянских языков. Так, в современном русском языке сохранилось праславянское слово *пес*, являющееся книжным. Между тем в качестве частотного общеупотребительного слова функционирует нейтральное существительное *собака*, представляющее собой заимствование из средне-иранского языка [10. С. 702].

Отметим, что слово *собака* существует в лексических системах только восточнославянских языков, и это обусловлено историческими причинами и языковыми контактами, которые, как правило, оставляют немало следов в контактирующих языках.

Интересно отметить, что слово *собака* в славянском языковом мире за пределами восточнославянских языков встречается только в польском языке и шире в кашубском, представляющем сегодня собой диалект польского языка. По мнению исследователей, это слово представляет собой заимствование из русского языка.

Попав в кашубский язык, слово *собака* пережило при заимствовании существенный семантический сдвиг и употребляется в нем в качестве бранного слова. А общеупотребительным остается в нем слово *pies*.

Интересна также судьба старого славянского слова *конь*, которое существует во всех славянских языках: сравним *конь* (русск., белорус.), укр. *кінь*, болг. *кон*, сербск. *коњ*, словенск. *konj*, чешск. *kůň*, польск. *koń*, словацк. *kôň*, нижнелуж. *kónj*, верхнелуж. *koń*, кашубск. *kónj*. Однако в русском языке оно, как и слово *пес*, сохранилось в качестве книжного, а наряду с ним используется нейтральное существительное *лошадь*, являющееся тюркским по своей этимологии и представляющее собой старое лексическое заимствование из тюркских языков [10. С. 525]. Отметим также, что существительное *конь* несет в себе и семантико-стилистическое содержание: *конь*, как правило, сильное красивое животное на фоне нейтрального слова *лошадь*.

Многие слова в славянских языках, относящиеся к родственной терминологии, имеют очень древние истоки: они индоевропейского происхождения, через праславянский язык перешли в славянские языки и сохранились в них после распада славянского праязыка. Эти слова соотносительны не только с соответствующими славянскими словами, но и со многими словарными единицами из других неславянских индоевропейских языков.

Сравним следующие ряды существительных, обозначающих родство: *брат* (русск., укр., белорусск.) — *bratr* (чешск., в/луж.) — *brat* (польск., словац., кашубск., н/лужиц.) — *брат* (болг.), и наряду с этими словами, *brother* (англ.) — *fratello* (итальянск.) — *bruder* (нем.); *дочь* (русск.) — *доч* (укр.) — *дъщеря* (болг.) — *dcera* (чешск., словацк.) и с приведенными славянскими терминами родства сравнимы слова неславянской родственной терминологии *daughter* (англ.) — *դուստր* [dustr, арм.] — *duktė* (литовск.). К той же индоевропейской родственной терминологии относится ряд имен, среди которых назовем существительное *свекор* (русск.) в значении *отец мужа*. Соответствия к этому слову также можно увидеть как в славянских, так и в неславянских языках: *свѣкор* (укр.) — *свѣкръ* (болг.) — *svekr* (чешск.) — *svokor* (словацк.) — *świekieŕ* (польск.) и также *çváçaras* (др/инд.) — *socer* (лат.) — *սկեսրար* [skesarar, арм.], а также **svekuros* (индоевроп.) [10. С. 371]. Термины родства индоевропейского происхождения, как можно было заметить по приведенным примерам, существуют во многих славянских языках. В то же время определенная часть родственной терминологии именно праславянского происхождения и ее соответствия особенно последовательно встречаются в разных славянских языках: ср., *муж* (русск., укр.) — *mąž* (польск.) — *muž*, также *manžel* (чешск.) — *muž* (словац., в/луж., н/луж.) — *мъж* (болг.) — *муж* (сербск.) — *môž* (словенск.) и др.

Много интересного с точки зрения типологических универсалий в лексике славянских языков дают соматизмы: так, *рука* (русск., укр., белор.), *ръка* (болг.), *roka* (словен.), *ruka* (чешск., словац., в/луж., н/луж.), *ręka* (польск.); *ухо* (русск., болг.) — *вухо* (укр.) — *вуха* (белор.) — *uho* (словенск.) — *ucho* (польск., чешск., словацк.) — *wucho* (в/луж.) — *hucho* (н/луж.) и др. Именно соматическая лексика как один из наиболее древних лексических пластов в разных славянских языков дает наглядное представление о ее праславянских истоках.

В лексических системах славянских языков во многом одинаковы названия сельскохозяйственных культур: сравним *пшеница, ячмень, просо* (русск.), *пшениця, ячмінь, просо* (укр.), *пшаніца, ячмень, проса* (белор.), *пшеница, ечемик, просо* (болг.), *пченица, јачмен, просо* (макед.), *pšeniце, ječmen, prosa* (чешск.), *pszenica, jęczmień, prosa* (польск.).

Интересную картину можно увидеть при рассмотрении славянской календарной лексики. Так, исконно славянские лексические единицы, обозначавшие месяцы, своими наименованиями указывали на состояние природы и на погодные условия, на сельскохозяйственные работы и на цикл работ, производимых в определенный промежуток времени года.

Древние славянские наименования месяцев праславянского происхождения сохранились не во всех славянских языках. С принятием христианства во многих из них исконно славянские наименования месяцев, в частности, в русском, болгарском, сербском, словацком и некоторых других славянских языках, были вытеснены их европейскими соответствиями, которые для славян не имели той же понятной семантики. Сравним слово *январь* и его славянский эквивалент *leden* в чешском языке, однозначно указывающий на холод, характерный для этого месяца года. Старые славянские названия остальных месяцев, хорошо сохранившиеся, например, в чешском языке, также достаточно прозрачны и во многих из них узнаваемы старые славянские корни, связанные с состоянием природы (*květen* — русск. *май*, *listopad* — русск. *ноябрь*), с циклом сельскохозяйственных работ (*srpen* — русск. *август*).

Интересен и такой факт: в некоторых славянских языках сохранившиеся старые славянские названия месяцев представляют собой образования от синонимичных корней, достаточно прозрачных и легко понимаемых. Так, сравним слово *август* (русск.) и слова с этим же значением из других славянских языков: *серпень* (украинск.) — *жнивень* (белорусск.) — *орач* (болг.) — *житар* (македонск.) — *гумник* (сербск.).

Как можно заметить по приведенным разным славянским наименованиям восьмого месяца года, в их семантике отражается цикл сельскохозяйственных работ с их неоднородной детализацией. Кроме того, одно и то же славянское наименование может функционировать в разных славянских языках для обозначения разных, но смежных месяцев: ср. славянское название весеннего месяца *май* в польской и чешской календарной лексике *kwiecień* и *květen* соответственно и его эквивалент в украинском языке *квітень*, обозначающий *апрель*.

Одним из древних кодов культуры, отраженных в лексике, является также недельный календарь как часть календарной лексики — обозначение дней недели и общее наименование последней.

В обозначении понятия «семидневка» сегодня в разных славянских языках нет полного единства, о чем свидетельствуют данные в ее обозначении. Сравним *неделя* в значении «семидневка» и *воскресенье* в значении «выходной день» в русском языке с соответствующими словами других славянских языков: *тиждень* и *неділя* (укр.) — *тыдзень* и *нядзеля* (белор.) — *tydzień* и *niedziela* (польск.) — *týden* и *neděle* (чешск.) — *tuždeň* и *nedela* (словацк.) — *седмица* и *неделя* (болг.) — *tjedan* и *nedjelja* (хорв.).

Как можно увидеть, в славянских языках обозначение семидневки стало различаться, но показательно, что при этом все обозначения также представлены славянскими корнями. Примечательно, что слово *неделя* как единственное обозначение семидневки используется только в русском языке, и оно представляет собой типологическую особенность русского языка. Отметим, что в болгарском языке наряду с *седмица* в более периферийном статусе также употребляется и слово *неделя*, но основная нагрузка в этой номинации падает на слово *седмица*. То, что слово *неделя* прежде в русском языке обозначало и сегодня в других славянских языках обозначает выходной, нерабочий день, отражается в его морфемном составе: *не-дельный, не-делающий*, т.е. *праздный*. Слово *неделя* этимологически представляет собой кальку с греческого *απρακτός*. Старое значение слова *неделя* в русском языке как название дня отдыха сохранилось лишь в церковной терминологии в устойчивом словосочетании *Фомина неделя* в значении седьмого дня послепасхальной семидневки. Только в русском языке употребляется и наименование дня отдыха *воскресенье*, и это уникальная особенность русского языка среди других славянских языков.

Наименования дней недели в других славянских языках представлены славянскими же словами, за исключением слова *суббота*, которое на заре славянской письменности проникло во все славянские языки.

Последний день недели, как было отмечено выше, реализуется неодинаково в русском языке, в котором он обозначается словом *воскресенье*, и в остальных славянских языках, сохранивших старое обозначение *неделя* с некоторыми фонетическими огласовками. Русское обозначение дня отдыха *воскресенье* появилось в недельном календаре после принятия христианства на Руси и представляет собой интересный случай переноса наименования с события на время, когда оно имело место: наименование дня церковного праздника пасха, свободного от работы, перешло на день отдыха в рамках семидневки, день, вообще свободный от работы в течение всего года. Этому переносу способствовало и использование слова *неделя* в русском языке для обозначения семидневки, так как возникшая омонимия в обозначении свободного от работы дня недели и одновременно семидневки была нежелательна и должна была быть устранена.

Многие названия действий и состояний в славянских языках совпадают именно потому, что они возникли еще в эпоху праславянского единства. Таковы глаголы, обозначающие различные действия: например, *есть* (русск. *кушать*), *їсти* (укр.), *есці* (белор.), *jíst* (чешск.), *jest'* (словацк.), *jesti* (словен.) и др.

Слова, обозначающие основные виды сельскохозяйственных работ, во всех славянских языках являются общими, так как это наиболее древняя часть лексики, тесно связанная с материальной жизнью древних славян: *сеять* (русск.) — *сіяти* (укр.) — *сеяць* (белор.) — *сея* (болг.) — *sejati* (сербск., хорватск.) — *sejati* (словенск.) — *siać* (польск.) — *síti* (чешск.) — *siať* (словацк.) и др. Можно отметить, что в цепочке таких общих слов некоторые из них в отдельных славянских языках не сохранились по разным причинам, например, устарели или выпали из лексической системы. Так, древнерусское *орати* перестало употребляться, сменившись глаголом *пахать*. В то же время это слово в своем старом значении сохранилось в других славянских языках: сравним *орати* (укр.) — *араць* (белор.) —

ora (болг.) — *orati* (сербск.) — *orati* (словенск.) — *orat* (чешск.) — *orat'* (словацк.) — *orać* (польск.). Отметим, что этот глагол имеет параллели в других индоевропейских неславянских языках — *ár̥ti* (литовск.) — *arāre* (латинск.) — *arjan* (готск.) и все эти глаголы имеют значение *пахать*.

Очень распространены в славянских языках лексемы, представляющие собой отвлеченные слова и названия психических (ментальных) процессов. Отметим лексические единицы в разных славянских языках, эквивалентные русскому слову *вера*: *vira* (укр.), *vǎra* (болг.), *vera* (сербск.), *véra* (словенск.), *vira* (чеш.), *wiara* (польск.), *wjera* (в/луж., н/луж.). Во всех славянских языках есть существительные, соотносительные с русским словом *память*. Приведем эквиваленты этого слова из других славянских языков: ср., *námьць* (белор.) — *námet* (болг.) — *памет* (сербск.) — *pámet* (словенск.) — *raměť'* (чешск.) — *ramät'* (словацк.) и др. Можно привести и другие примеры соотносительности отвлеченных слов и названий ментальных процессов.

Таким образом, сравнительный анализ слов из разных лексико-семантических групп современных славянских языков дает возможность увидеть общность многих лексических единиц, история которых восходит к праславянскому, а в ряде случаев и к более раннему, индоевропейскому периоду. При этом следует обратить внимание на общность в большинстве случаев и значения, и формы выражения лексических единиц.

В целом ряде случаев наблюдается и такое явление: форма выражения лексической единицы в разных славянских языках совершенно одинакова, но это неодинаковые по значению слова, например, русское *стул* и чешское *stůl* в значении *стол*.

Интересны также случаи существования одних и тех же слов в разных славянских языках, значения которых не только не эквивалентны, но и совсем не соотносительны по значению: так, русское слово *наглый*, которое в современном языке имеет значение *крайне нахальный, дерзко-бесстыдный* [7. С. 341]. Однако в современном чешском языке оно обозначает *внезапный, быстрый*. В македонском (южнославянском) языке и сегодня существует наречие *нагло* в значении *быстро, резко*. В то же время отметим, что и в древнерусском языке функционировало прилагательное *наглый* в значении *быстрый*, и оно встречается в древних русских памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве». В этом слове в разных славянских языках возможно выделить (иногда с натяжкой) общую сему «быстрый», которая и создает нечто общее в значении: наглость, как правило, проявляется с быстротой. Поэтому неудивительно, что в других славянских языках отмечается сегодня функционирование этого слова в его старом значении: ср. *наглий* в значении *внезапный, скоростной* в украинском языке, а также в чешском, словацком, польском, в обоих лужицких языках, в которых оно сохраняет свое старое значение *внезапный, быстрый*. У М.В. Ломоносова в оде «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (XVIII век) читаем: «*Вы, наглы вихри, не дерзайте...*». В ряде русских говоров и сегодня сохраняется старое значение этого слова.

В словарях современных славянских языков наблюдаются также слова, которые звучат одинаково или почти одинаково, но при этом имеют полностью про-

тивоположное значение. Иными словами, само славянское слово сохранилось, но существенный семантический сдвиг в его значении привел к антонимии. Особенно показательны примеры из чешского языка: приведем такой хрестоматийный пример, как *черствый хлеб* (русск.) в значении *хлеб несвежий, высохший* и *čerstvý chléb* (чешск.) в противоположном значении *свежий хлеб*. В разных славянских языках русскому слову *фрукты* эквивалентны существительные *ovocie* (словацк.), *ovoce* (чешск.), *owoc* (польск.), *ovôčje* (словенск.), *овоциja* (болг.), *овоциje* (макед.). Что касается слова *фрукты* в русском языке, имеющего значение *сладкие плоды*, то оно представляет собой заимствование Петровского времени, в памятниках даже зафиксирована точная дата этого заимствования — 1705 год. Если русское слово *овоци* обозначает *несладкие плоды*, то это же слово в разных славянских языках, в отличие от русского, обозначает *фрукты*, т.е. сладкие плоды. Интересно заметить, что в украинской лексике представлено слово *овоч-овочі*, обозначающее не только *овоци* как несладкие плоды, но и плоды вообще, а также *фрукты*.

В указанных выше славянских языках для обозначения понятия *несладкие плоды*, соответствующего русскому *овоци*, используются старые славянские слова с одним и тем же корнем, но в ряде случаев с разными словообразовательными аффиксами: ср. *зеленина* в западной группе и *зеленчук* в южной группе. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что некоторые праславянские слова в разных славянских языках сохранили лишь форму, а семантический сдвиг сделал их во многом разными словами, несмотря на одинаковую форму. Как отмечается в литературе, «...в отличие от веками меняющейся грамматики и фонетики, лексическая семантика меняется очень быстро: на памяти одного поколения носителей языка слова появляются и исчезают, теряют свои значения и приобретают новые» [8. С. 8].

Общность многих лексических единиц в славянских языках становится более зримой при обращении к русской диалектной лексике. Так, в северновеликорусских диалектах наблюдается много слов, которых нет в современном русском литературном языке, но эти лексические единицы можно обнаружить в словарях тех или иных славянских литературных языков. В русском диалектном языке — в архангельском, олонецком и других говорах — сохранилось старое славянское слово *лони*, имеющее значение *в прошлом году*. Это слово сопоставимо с чешским *loni*, польским, также верхнелужицким и нижнелужицким *loni*, словенским *lani*, а также с болгарским, македонским, сербским *лани*. Показательно, что во всех славянских языках это слово имеет одно и то же значение. Сравним также такие слова, как чешское *houba*, словацкое *huba*, болгарское *гъба*, словенское *goba* в значении *гриб* с соответствующим русским диалектным словом *губа* с тем же значением в архангельских, пермских, костромских, ярославских говорах. В вологодских говорах наблюдается также слово *губина* уже в более широком значении, а именно, не только *грибы*, но и *ягоды*. Интересно также болгарское слово *гуня*, *гуна*, обозначающее род верхней крестьянской одежды, обычно белого цвета. Это слово сохранилось в диалектном сербском языке (*гуња*) уже в значении *мужская одежда, подбитая кожей или сшитая из овчины*, в лексике македонского языка

также сохранилось существительное *гуња* в значении *крестьянская куртка* (из грубого сукна).

Интересно отметить, что это слово при его отсутствии в русском литературном языке функционирует в разных русских диалектах, причем сохраняется форма слова при выражении разных значений или оттенков значений: так, *гунька* (тульское и орловское) в значении *женская рубашка*, *гуня* (заонежское) в значении *чистая одежда* и даже *гунье* (архангельское) — *старая рухлядь, тряпки, обноски*. Это последнее значение имеет и слово *гунька (кабацкая)* в произведении XVII в. «Повесть о Горе-Злочастии», представляющем собой запись фольклорного произведения, поэтому и характеризующемся близостью к народному языку. К слову сказать, эти соответствия очень определенно подтверждают старое положение, выдвинутое в свое время Р.И. Аванесовым: диалектология как наука помогает понять устройство национального языка [1. С. 226].

Лексические соответствия в словарях разных славянских языков, восходящие к праславянскому лексическому фонду, обнаруживаются среди слов разных частей речи. Приведенные выше лексические соответствия были представлены, в основном, именами существительными. Не меньше лексических соответствий праславянского происхождения обнаруживается и в кругу имен прилагательных. Так, русское прилагательное *красивый* соотносится со словом *красив* с тем же значением в болгарском языке, а в южнославянском македонском языке, наиболее близком болгарскому, ему соответствует прилагательное *красен*. Здесь уже последнее соотносится с чешским (западославянским) словом *krásný*. В древности понятие «красивый» передавалось прилагательным *красный* и в русском языке, недаром оно фигурирует в народных сказках, фразеологизмах, пословицах и поговорках — *красна девица; красна изба не углами, а пирогами* и т.д. И старинная главная площадь в Москве потому и называется *Красная площадь*.

Генетически родственными и в определенной мере совпадающими в разных славянских языках, причем, возможно, не во всех из них, являются слова всех знаменательных частей речи, родство которых не всегда просматривается из-за многовековых исторических изменений. Однако вполне сопоставимы и слова служебные, например, предлоги и приставки (ср. русск., болг. и макед. *под*, чешск. *pod*), союзы (сравним русский союз *если* и чешский *jestli*). Отметим, что условный союз *если*, полностью эквивалентный по форме соответствующему современному чешскому союзу, встречается еще в русских памятниках первой четверти XVIII в., например, в «Письмах и бумагах Петра Великого». Типологически сопоставимы в кругу служебных слов и частицы: ср. русск. *уже*, болг. *уж*, чешск. *už*. Наряду с универсальными признаками здесь можно увидеть и индивидуалии: сравним русскую модальную частицу *же* и это же слово в чешском языке *že*, выступающее в качестве подчинительного союза в изъяснительном придаточном предложении.

Интересное явление представляет типология междометий в разных славянских языках: эквивалентность наблюдается и в кругу междометий, но в меньшей степени, что связано с ментальностью народа-носителя языка, с эмоциональной

стороной его жизни, которая проявляется даже у близкородственных народов по-разному. Приведем соотносительные как по выражаемому значению, так и по форме междометия из разных славянских языков: таковы междометия *ax* (русск.), *ax* (македонск.), *ach* (чешск.) и др. Однако немало также случаев несоотносительности по форме междометий, выражающих одно и то же значение: например, русское междометие *эй* соотносится по значению и вовсе несоотносимо по форме с междометиями *бре* (болг., макед.) и *hola* (чешск.).

Интересна типология, наблюдаемая в богатой славянской антропонимии, имеющей многовековую историю. С IX в. восточные славяне приняли христианство и к ним проникли христианские имена, подавляющее число которых прочно вошло в антропонимическую лексику. При этом славянские языки эти канонические имена принимали не механически, а приспособляли их, что и естественно, к своим фонетическим и грамматическим системам. Так, греческое мужское имя *Георгий* в разных славянских языках приобрело следующий вид: *Георги* (болг.) — *Джорджу*, *Чорчи* (сербск., макед.) — *Jiří* (чешск.) — *Ежи* (польск.) — *Георгий*, *Юрий*, *Егор* (три разных имени в русской антропонимии!).

В настоящее время, начиная с конца XX и начала XXI в., складывается новая ситуация в лексических системах разных славянских языков в связи с широким вхождением в жизнь общества новых реалий, в частности, компьютера и компьютерных технологий, Интернета, новых средств связи, например, мобильной, новых средств массовой информации, телевидения. Все это приводит к инновациям в славянских языках, которые отражаются в первую очередь в лексике. В лексику славянских языков входят иностранные слова, преимущественно англицизмы, а точнее американизмы, которые обнаруживают тенденцию к их сохранению в этих языках. В этом смысле возникают уже новые тесные параллели в лексических системах разных славянских языков, поскольку источник заимствования чаще всего один и тот же: ср. болгарский и македонский глагол *алармира* (бить тревогу) из английского *alarm* и чешский глагол *alarmovat* с тем же значением, при этом возникают между ними и некоторые фонетические расхождения.

Подобные заимствования являются результатом действия культурологического фактора. Чаще всего это имена существительные (84%), которые, войдя в новую для себя языковую систему, осваиваются фонетически, приобретают статус семантически самостоятельных слов и становятся основой для образования новых слов. Такие дериваты (русизмы, богемизмы, болгаризмы и др.) становятся уже фактом лексики конкретного славянского языка, обогащая ее новыми словами. Так, в болгарском языке последних лет появились новые слова, являющиеся уже в определенной степени болгаризмами, т.к. они возникли на болгарской почве и по грамматическим нормам болгарского языка, например, *мобифон* из *mobile phone* и др. К числу таких новых слов относится и вошедшее в чешскую лексику существительное *mobil* в значении *мобильный телефон*. Такого же порядка явления отражены в любом славянском языке, в качестве примера приведем новейшие заимствования в русский язык слов, относящихся, например, к компьютерной терминологии — *блог*, *блогер*, *сайт*, *файл*, *курсор* и др.

Подводя итоги нашего рассмотрения, отметим, что XXI в., век новых технологий и систем связи, научных открытий, инноваций в разных областях жизни, еще только начинается, и время покажет новые универсалии и индивидуалии в лексических системах славянских языков, появившиеся в результате интернационализации. Однако яснее ясного, что праславянским словам, сохранившимся до настоящего времени во всех славянских языках, уготована долгая жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аванесов Р.И.* Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР, ОЛЯ. Т. VI. Вып. III, 1947.
- [2] *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.
- [3] *Лер-Сплавинский Т.* Польский язык. М.: Иностранная литература, 1954.
- [4] *Меркулова И.А.* Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1.
- [5] *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта, 2001.
- [6] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- [7] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978.
- [8] *Рахилина Е.В., Резникова Т.С.* О работе Московской лексико-типологической группы // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 1. ВГУ, 2011.
- [9] *Трубачев О.Н.* Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Вопросы языкознания. 1957. № 5.
- [10] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
- [11] *Ходова К.И.* Языковое родство славянских языков. М., 1960.
- [12] *Цейтлин Р.М.* Лексика славянских языков X—XI — XIV—XV вв. (результат сопоставительного исследования) // Славянское языкознание. X Межд. съезд славистов. М.: Наука, 1990.

LEXICAL TYPOLOGY OF SLAVONIC LANGUAGES

I.K. Manoucharyan

Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication Department
Russian Philology Faculty
Yerevan State University

Alek Manoukyan str., 1, Yerevan, Armenia, 0025

The article is devoted to analyse of lexical typology between Slavonic languages. It is obvious, that old Slavonic words have the same origin from the parent Slavonic language. Lexicons of Slavonic languages were developed during long time and borrowed new words from other non-Slavonic languages. This process is continuing today.

Key words: lexicon, typology, typological, slavonic, universal peculiarities, differences, innovations, parent slavonic language, adoptions.

REFERENCES

- [1] *Avanesov R.I.* Voprosy foneticheskoy sistemy russkikh govorov i literaturnogo yazyka // *Izvestiya AN SSSR, OLYa.* T. VI, Vyp. III, 1947.
- [2] *Gudkov D.B.* Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii. M.: Gnozis, 2003.
- [3] *Ler-Splavinskiy T.* *Polskiy yazyk.* M.: Izd-vo Inostrannaya literatura, 1954.
- [4] *Merkulova I.A.* Problemy sopostavitelnogo izucheniya leksiki slavyanskikh yazykov // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2014, № 1.
- [5] *Mechkovskaya N.B.* *Obscheye yazykoznaniye. Strukturnaya i sotsialnaya tipologiya yazykov.* M.: Flinta, 2001.
- [6] *Meye A.* *Obschesyavianskiy yazyk.* M., 1951.
- [7] *Ozhegov S.I.* *Slovar russkogo yazyka.* M.: Russkiy yazyk, 1978.
- [8] *Rakhilina E.V., Reznikova T.S.* O rabote Moskovskoy leksiko-tipologicheskoy gruppy // *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii.* Vyp. 1. VGU, 2011.
- [9] *Trubachev O.N.* Printsipy postroeniya etimologicheskikh slovarey slavyanskikh yazykov // *Voprosy yazykoznaniya*, 1957, № 5.
- [10] *Fasmer M.* *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka.* M.: Progress, 1986.
- [11] *Khodova K.I.* *Yazykovoye rodstvo slavyanskikh yazykov.* M., 1960.
- [12] *Tseytlin R.M.* Leksika slavyanskikh yazykov X—XI — XIV—XV vv. (rezultat sopostavitelnogo issledovaniya) // *Slavyanskoye yazykoznaniye. X Mezhd. syezd slavistov.* M.: Nauka, 1990.